

автор так же трактует и аналогичные памятники Северной Осетии. Однако М. Б. Мужухоев «при определении функционального назначения памятника» (с. 77) отказывает в информативности таким важным признакам, как ориентировка построек, алтари и алтарные преграды, солен, изображения крестов, фрески, наличие вблизи культовых сооружений христианизированных погребений в каменных ящиках и др. Культовые постройки у осетинских селений Донифарс, Галиат, Фараскат, Цей, суммарно датируемые XII—XIV вв., автор предлагает осмысливать как языческие святилища, приспособленные для христианского культа в XVII в. (с. 82). Однако христианизация горцев Центрального Кавказа отмечена не только в конце XVI—XVII вв., но уже в IX—XIV вв. И не случайно, что названные сооружения, выполненные, очевидно, роль местных церквей, относятся именно к этому периоду. Таким образом, этапы христианизации, получившие отражение в культовом зодчестве, могут служить одним из ориентиров для периодизации и определения первоначального назначения культовых памятников.

В. С. Уарзиати в статье «Осетино-ингушские этнокультурные контакты в материальной культуре» прослеживает близкие параллели в земледельческо-скотоводческом хозяйстве, в архитектуре жилых и погребальных сооружений, одежде, пище, некоторых обрядах осетин и ингушей. Большую часть сходных элементов автор объясняет заимствованиями из осетинской культурной традиции, так и не наполнив реальным содержанием приведенное здесь указание А. Н. Генко о том, что «не только осетины были дающими...», но что случалось, вероятно, и наоборот» (с. 85). К тому же выявленная общность (имеющая зачастую общесеверокавказский характер) находит объяснение в исторических судьбах и этнической истории соседних кавказских народов, общих условиях их жизни и быта.

Статья Д. Ю. Чахкиева «Общие и специфические черты в башенном строительстве Чечено-Ингушетии и Северной Осетии» посвящена в основном мастерам-строителям, возводившим в горных районах боевые и жилые башни, а также иные сооружения. В ней широко представлены собственные этнографические материалы автора. Д. Ю. Чахкиев обосновывает тезис о том, что строительное дело у горцев Центрального Кавказа выделилось в самостоятельный вид ремесла, и также реконструирует некоторые приемы строительства. Тем самым автор опровергает еще бытующие в литературе мнения о приоритете того или иного народа в сооружении башенных комплексов (см. с. 111).

Сборник завершается статьями М. М. Блиева («Русско-ингушские отношения и присоединение Ингушетии к России») и Л. Р. Габовой («К вопросу о политическом развитии Северного Кавказа накануне и в период русско-иранской и русско-турецкой войн начала XIX века»), содержащими ценные архивные материалы по Центральному и Западному Кавказу, а также по Дагестану и Чечне. Они проливают дополнительный свет на проблему вхождения народов Северного Кавказа в состав России, завершившегося в конце XVIII в. и прогрессивные последствия которого сказались на межэтнических и культурных связях, в том числе осетин и ингушей⁵.

Сборник не лишен и досадных недостатков. В первую очередь это многочисленные опечатки и недоработки. Так, указано «с. Мони» вместо «Шони» (Шуани) (с. 29); «Портье» вместо «Порты» (с. 136), «культурные памятники» вместо «культовые» (с. 72). Работа П. Г. Буткова датирована 1969 г., тогда как она вышла в 1869 г. (с. 136). На с. 112 из-за многочисленных пропусков слов первый абзац лишен смысла и др. Не всегда точен справочный аппарат: отсутствует сноска 51 (с. 103), пропущена сноска 60 (с. 140); в неправильной последовательности даны сноски 16 и 17 (с. 24) и т. д. Неверно указаны названия мест работы некоторых авторов (см. «Содержание»).

Тем не менее сборник представляет немалый научный интерес для специалистов, занимающихся этнографией и историей Северного Кавказа, так как содержит новые ценные данные об этнокультурных контактах народов Центрального Кавказа, уходящих своими корнями в далекое прошлое.

Н. Н. Великая (Бараниченко)

Из истории язычества вайнахов (пантеон божеств в позднем средневековье)//Сов. этнография, 1985. № 12. С. 99—108.

⁵ *Виноградов В. Б., Умаров С. Ц.* Проблема добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России в исторической литературе//Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 3. Материалы Всероссийской научной конференции. Грозный, 1985, С. 21—26.

М. Н. Макалатия. Скотоводство в горной части Восточной Грузии (Туш-Пшав-Хевсурети). Тбилиси: Мецниереба, 1985. 198 с., илл. (на груз. яз.)

В последние десятилетия число этнографических публикаций по традиционному скотоводству народов Кавказа заметно возросло¹. И все же, несмотря на сравнительную изученность этой проблемы, в ней остается немало дискуссионных и неисследованных вопросов. Некоторым из них посвящена рецензируемая монография — итог

¹ См., например: *Шамиладзе В. М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1979. Там же библиографический вопрос.

многолетней работы ученого. Характеризуя традиционное скотоводство крупной историко-этнографической области Восточной Грузии — Туш-Пшав-Хевсурети, автор охватывает весь комплекс вопросов, связанных с ним, — материальный и социальный быт, хозяйственный календарь, традиционные верования и обряды. Такой подход к изучаемой проблеме — несомненное достоинство данной работы.

Основу рецензируемого исследования составили полевые этнографические материалы, собранные М. Н. Макалатия в течение многих лет (1961—1974) в горных районах Восточной Грузии, а также в Самцхе-Джавахети, Ксанском ущелье в Картли, в Западной Грузии — в Имерети, Мегрелии, Сванети. Автор привлек также значительные по объему литературные источники. Фундаментальная источниковедческая база дала возможность детально охарактеризовать традиционное скотоводство трех этнографических групп грузинского этноса — тушин, хевсур и пшавов, показать общее и локальное в сравнении с другими этнографическими подразделениями грузин.

Монография состоит из Введения, где дана историография вопроса, трех глав, большого списка использованной литературы, списка сокращений, резюме на русском языке. В библиографии помещен комментарий к некоторым рассматриваемым в монографии вопросам. Книга иллюстрирована оригинальными фотографиями и рисунками.

Анализируя обширные материалы, М. Н. Макалатия последовательно выявляет хозяйственную специфику горных районов Восточной Грузии, где с древнейших эпох существовали две основные отрасли хозяйства — скотоводство и земледелие. Ведущим из них всегда было скотоводство. Возможность использования горцами зимних пастбищ на равнине (тушинами с XVI в., пшавами с XIX в.) способствовала развитию в Тушети и Пшави отгонного скотоводства — овцеводства. В Хевсурети, не имевшей зимних пастбищ на равнине, ведущей отраслью было разведение крупного рогатого скота. М. Н. Макалатия справедливо подчеркивает, что развитие в Тушети и Пшави отгонного овцеводства способствовало расширению и укреплению разнообразных контактов горцев с населением социально-экономически более развитых районов Грузии (Картли, Кахети), появлению связей с некоторыми народами Северного Кавказа.

Ряд страниц монографии посвящены богатым эмпирическим знаниям, накопленным грузинским народом в области скотоводства: отбор пород молочного и рабочего скота, приготовление высококачественной молочной продукции (у хевсур топленого масла, у пшавов сливочного масла), рациональные знания и опыт по уходу за крупным рогатым скотом и т. п.

Годовой цикл скотоводческого хозяйства рассмотрен в монографии по отдельным этапам (гл. 2). Первый — период стойлового содержания скота — начинался 10 ноября (это время считалось и началом хозяйственного года), длился 20—24 недели и заканчивался в пасхе. Второй этап охватывал 9—10 недель, по истечении которых скот свободно отпускали не только на сельские пастбища и зимние параллельные базы, но и на покосы. Третий этап включал весь летний сезон и длился до 10 ноября, т. е. до перехода скота на стойловое содержание. Летом скот находился на горных пастбищах. На этом же этапе происходила заготовка кормов.

В книге детально описаны формы организации труда, связанные со скотоводством, правила пользования пастбищ, трудоемкий процесс заготовки сена, режим стойлового содержания скота. Значительное внимание уделено характеристике традиционных перегонных маршрутов скота. Подробно описаны способы использования горных и равнинных пастбищ, где в пределах одного района горцы устраивали для скота временные и сезонные стоянки.

Необходимость ухода за скотом и заготовки молочных продуктов на летних пастбищах во многом определяли специфику хозяйственного быта горцев Восточной Грузии, особенно в распределении функций между членами семьи. Так, заготовка молочных продуктов на летних горных пастбищах была обязанностью женщин, которые выполняли эти работы поочередно по принципу дежурства (*гаджероба*). Если семья была малочисленна, то она оперировалась с соседями или отдавала своих коров в другие семьи на условиях получения одной трети удоя. В большой семье не было подобных трудностей: в горы шла свекровь или старшие невестки, в селе оставались матери с малолетними детьми.

Наряду с принципами разделения труда между членами семьи, достаточно полно в монографии описана организация пастушества и работа пастуха. Интересны приводимые автором материалы о взаимоотношениях горцев-грузин и горцев Северного Кавказа в сфере хозяйства. Так, в Хевсурети пастухами становились грузины-горцы: мтиулы, гудамакарцы, мовевцы, пшавы, что способствовало процессу сближения этнографических групп грузинского народа. Тесные хозяйственные связи осуществлялись также с горцами Северного Кавказа. Вайнахи (чеченцы и ингуши) и дагестанцы имели трудовые контакты с горцами Восточной Грузии, диктовались экономическими интересами обеих сторон. Это проявлялось, в частности, и в сфере скотоводства. На сезонные работы в Тушети приходили, например, дидойцы (уход за скотом, строительное дело; женщины участвовали в жатве, в обработке шерсти). Факты такого хозяйственного сотрудничества установлены автором не только на примере тушин и дидойцев, но также хевсур и чеченцев (груз. *кисти*). В хевсурское с. Шатли кисти приходили на сезонные работы на 2—3 года: мужчины пасли овец, женщины выполняли самые различные работы — уход за скотом, прядение шерсти, жатва и т. п.

Значительное место в рецензируемой монографии занимает характеристика народных обычаев, праздников и традиционных верований, связанных со скотоводством. Эти разделы полны оригинальными ценными этнографическими материалами, во многом новому интерпретируемым автором.

Большим достоинством книги М. Н. Макалатия является также ее насыщенность

локальной скотоводческой терминологией, которая может служить в дальнейших исследованиях важным историко-этнографическим источником.

В заключение хотелось бы остановиться на одном вопросе, весьма актуальном для понимания уровня и особенностей социально-экономического развития горцев Кавказа, в частности Грузии. Вопрос этот, как известно, до сих пор является дискуссионным в советской исторической науке. По мнению М. Н. Макалатия, в XIX в. пастбища в Тушети, Пшави и Хевсурети принадлежали в основном сельским общинам. Часть пастбищ была собственностью «родовых общин» (с. 109), которые, по мнению Р. Л. Харадзе, исследователя общественного строя горцев Грузии, пережиточно сохранялись в горах восточной части страны. В данном случае совершенно неясным представляется само понятие «родовая община», которое М. Н. Макалатия не раскрывает. Столь же нечетко различаются в книге категории земельной собственности (пастбища, покосы, пахотные участки), составлявшие собственность как сельской общины, так и отдельных семей (с. 119). Видимо, исследование некоторых вопросов общественного строя горцев Грузии, затронутых в монографии М. Н. Макалатия, еще впереди. В целом же рецензируемый труд является одной из наиболее интересных работ по этнографическому грузиноведению, вышедших за последние годы.

В. Д. Игоншвили

Абазинские народные сказки. М.: Наука, 1985.

Сегодня нет необходимости доказывать роль фольклора в духовной жизни любого народа. Устное поэтическое творчество народов нашей страны и сегодня играет значительную роль в формировании всесторонне развитого человека. В современных условиях традиционный фольклор переживает новый и весьма специфический этап в своем развитии.

Многие проблемы, связанные с изучением фольклора, требуют несложных решений. Одной из них является проблема собирания, сохранения и издания памятников фольклора.

В 1985 г. в серии «Сказки и мифы народов Востока» стотысячным тиражом был издан сборник «Абазинские народные сказки», вышедший под грифом Института востоковедения АН СССР и Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики. Составление и перевод текстов сказок с абазинского языка на русский, вступительная статья и примечания принадлежат известному абазинскому литературоведу и фольклористу, автору ряда исследований по абазинской литературе и фольклору, учебников и учебных пособий для абазинских школ В. Тугову. Ответственный редактор книги и автор типологического анализа сюжетов сказок — научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького А. Алиева.

Первые записи и публикации памятников абазинского фольклора появились на языке оригинала в начале 1930-х годов и были осуществлены основоположником абазинской литературы Т. Табуловым. За прошедшие годы проделана значительная работа, изданы разные по содержанию и объему фольклорные сборники, некоторые из них опубликованы и в переводах на русский язык¹.

Однако лишь рецензируемый труд даст возможность более полно представить тематику и сюжетный состав сказочного эпоса абазин. Записи большинства опубликованных в сборнике сказок осуществлены за последние четыре—пять десятилетий, что помогает в определенной степени судить о судьбах и бытовании традиционных жанров фольклора в наши дни. Составитель сборника провел скрупулезную работу по отбору наиболее характерных, подлинно народных и художественно совершенных образцов абазинских сказок. Значительная часть их записана самим составителем.

В содержательной вступительной статье к сборнику В. Тугов сообщает сведения о главных вехах истории абазинского народа, характеризует основные жанры абазинской народной прозы, в том числе сказок, определяет место и объем этого жанра в абазинском фольклоре, раскрывает идейную и эстетическую сущность сказки, выявляет ее роль в духовной жизни народа, делает очень интересные наблюдения над современным бытованием традиционной фольклорной прозы. В целом вступительная статья написана кратко, с превосходным знанием конкретных материалов и с учетом достижений современной советской фольклористики.

При издании фольклорных материалов первостепенное значение всегда имеет принцип их расположения, что непосредственно связано с проблемой классификации фольклорных произведений. Составитель сборника, исходя из сюжетного и тематического признаков сказок, учитывая также жанровые особенности, выделил четыре группы сказок: о животных, волшебные, бытовые, сказки-анекдоты (особо выделен сюжет с Хадже Насреддине).

Наиболее древними считаются сказки о животных. У абазин их сохранилось сравнительно мало и в рецензируемом сборнике представлено всего 26. Значительную груп-

¹ См. например: Нарты. Абазинский народный эпос. Черкесск, 1975.